

ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ В РОССИИ

И. А. Федосов

Вторая половина XVIII в. получила в историографии определение как время просвещенного абсолютизма — режима, характерного для ряда европейских стран — Австрии, Пруссии, Испании, Дании, Швеции, России и некоторых других¹. При этом под просвещенным абсолютизмом понимается не такое направление в политике, при котором поощряется просвещение (подобную политику вели многие правительства в разные эпохи, поэтому данный термин теряет свой исторический смысл), а особые периоды в истории абсолютистских государств, имеющие свои специфические черты. Именно такое понимание имел в виду В. И. Ленин, когда писал, что для самодержавия XVIII в. характерно наличие бюрократии, служилых сословий и отдельных периодов просвещенного абсолютизма².

Однако до сего времени в исторической литературе дискутируется вопрос о сущности просвещенного абсолютизма. В чем же специфика этих исторических периодов, каковы социальное содержание его политики и его историческое значение? Одни историки считают, что, собственно, никакого просвещенного абсолютизма не было и В. И. Ленин не случайно брал это определение в кавычки; что было типичное крепостническое государство, которое ввиду обострения классовых противоречий вынуждено было заниматься демагогией, спекулировать на красивых фразах из работ французских мыслителей³. Это, конечно, самое простое решение, которое, к сожалению, ничего не дает для выявления специфики, особенностей большого исторического периода. Даже если признать всю внутреннюю политику большинства европейских стран второй половины XVIII в. демагогией (а к демагогии, как известно, прибегало любое классовое правительство в любые времена и эпохи), то и при

¹ П. Миллюков. Очерки по истории русской культуры. Ч. III, вып. I. СПб. 1901; М. Рейснер. Разложение абсолютизма. «Политический строй современных государств». Сборник. Т. I. М. 1905; Ф. Тарановский. Политическая доктрина в Наказе императрицы Екатерины II. Киев. 1904; Н. Кареев. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв. СПб. 1908; «История Западной Европы в новое время». Т. III. СПб. 1895; А. Лаппо-Данилевский. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб. 1897; А. Д. Градовский. Собрание сочинений. Т. I. СПб. 1899; «Итоги XVIII века в России». М. 1910; Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. Т. III. М. 1919; М. Ольминский (Александров). Государство, бюрократия и абсолютизм в России. М.-Л. 1925; В. В. Воровский. О природе абсолютизма. См.: В. В. Воровский. Сочинения. Т. I. М. 1932; «Абсолютизм в России». Сборник статей. М. 1964; П. К. Иванов. О «просвещенном абсолютизме» в России 60-х годов XVIII века. «Вопросы истории», 1950, № 5; М. Т. Белявский. Крестьянский вопрос в России накануне востания Е. И. Пугачева. М. 1965. Интересные наблюдения сделаны в ходе дискуссии об абсолютизме в журнале «История СССР» (1968—1970 гг.): см., например, А. Я. Аврех. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России («История СССР», 1968, № 2); А. М. Давидович, С. А. Покровский. О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма («История СССР», 1969, № 1), и др.

² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 346.

³ П. К. Иванов. Указ. соч.; М. Т. Белявский. Указ. соч.

этом остаются недоуменные вопросы: в чем социальный смысл этой демагогии? Какова ее реальная основа? Почему она приняла именно такие черты, а не другие? И в чем все-таки специфика данных периодов? Бесспорно, прав А. Я. Аврех, который пишет, что целый исторический период «объяснить демагогией ...нельзя просто потому, что всякая демагогия есть вещь строго обусловленная. Иначе говоря, «чистой» демагогии в истории вообще не бывает, она существует лишь как спутник реальной политики»⁴.

Другая точка зрения на эту проблему сводится к следующему: просвещенный абсолютизм—это такой период в истории самодержавного государства, когда в его политике отчетливо проявляются тенденции к буржуазному развитию, когда для него характерно «принятие и открытое провозглашение правящими кругами принципов французского просвещения». Наиболее обстоятельно эту точку зрения обосновал акад. Н. М. Дружинин в своей статье «Просвещенный абсолютизм в России». Формулируя суть проблемы, он пишет: «Задача исследователя — уловить буржуазные тенденции в политике «просвещенного абсолютизма» и степень их проявления в противоречивой связи с феодальной основой официального политического курса». По мнению Н. М. Дружинина, политика просвещенного абсолютизма была «закономерным этапом государственного развития, предвестием назревающей революции и, несмотря на половинчатость проведенных реформ, приближала момент перехода общественной жизни к новой, более прогрессивной формации»⁵.

Нам представляется, что эта точка зрения гораздо ближе к истине. Она позволяет полнее раскрыть особенности данного исторического периода в истории абсолютизма, историческое значение его политики. Однако решения самой проблемы она все же не дает. Прежде всего буржуазные тенденции, или, вернее, такая политика, которая создает предпосылки для буржуазного развития, как известно, характерны вообще для абсолютизма, а не только для просвещенного. И чем ближе к капитализму, тем этих тенденций в политике правительства больше. Александр II, например, проводил буржуазные реформы, но ведь никто на этом основании не считает абсолютизм Александра II просвещенным. Во-вторых, буржуазная революция произошла раньше всего в тех странах, где никакого просвещенного абсолютизма не было,—в Англии и во Франции, а в странах так называемого просвещенного абсолютизма произошли революции и утвердился буржуазный способ производства лишь спустя 100—150 лет. Поэтому считать просвещенный абсолютизм предвестием революции, фактором, приближающим момент смены формации, вряд ли есть основания (с таким же успехом его можно считать и фактором, отдаляющим революцию).

Следовательно, не в выяснении буржуазных тенденций в политике правительства или, вернее, не только в выяснении этих тенденций нужно искать путь к решению данной проблемы. Просвещенный абсолютизм — это период в эволюции политической надстройки феодального общества, а надстройка имеет свою логику, свои закономерности развития, и ее зависимость от базиса не так прямолинейна и непосредственна, как нам иногда представляется, а ее влияние на базисные явления также гораздо сложнее. Как известно, один и тот же базис и даже при одинаковом уровне экономического развития в разных странах может дать самые различные формы политической надстройки. При феодализме, например, мы можем наблюдать и различные формы монархии и различные формы республики.

⁴ А. Я. Аврех. Указ. соч., стр. 93.

⁵ См. Н. М. Дружинин. Просвещенный абсолютизм в России. «Абсолютизм в России», стр. 431.

Абсолютизм — это диктатура класса феодалов в тот исторический период, когда заканчивался процесс ликвидации феодальной раздробленности, а сам класс феодалов терял свои средневековые черты. Историческое значение абсолютизма заключается в том, что, завершив политическую централизацию страны, он на определенном этапе способствовал развитию тех процессов, которые происходили в экономике, в социальных отношениях, а тем самым содействовал консолидации наций, при отсутствии развитых буржуазных отношений. Абсолютизм — не застывшая форма власти, а развивающаяся политическая надстройка, которая пережила периоды становления, развития и падения. Но его социальное содержание неизменно — это диктатура класса феодалов, хотя расстановка социальных сил и их соотношение на каждом из этих этапов должны быть, очевидно, различными. Пределы эволюции абсолютизма не безграничны, и нельзя согласиться с мнением А. Я. Авреха, который, основываясь на высказывании В. И. Ленина об эволюции монархии, утверждает, что абсолютизм может быть и феодальным, и полубуржуазным, и буржуазным⁶. Но ведь В. И. Ленин писал об эволюции монархии. Абсолютизм же, если его рассматривать не только как форму власти, наделенную определенными юридическими признаками (такая форма может быть в любые времена и эпохи), а как форму политической надстройки, которой соответствует определенное социальное содержание, — понятие, которое можно применять к определенному, точно очерченному времени. Это — форма политической надстройки эпохи позднего феодализма, и пределы его эволюции ограничены рамками феодальной формации. В этой связи нам представляется, что термины «абсолютизм» и «самодержавие» идентичны лишь в данных хронологических границах. (Ведь мы не применяем термин «абсолютизм» ни к ранним этапам истории русского государства, ни к периоду после революции 1905 года. С большой степенью условности его можно применять и к периоду после 1861 года. Термин же «самодержавие» применяется ко всем периодам истории России.) Одним из этапов развития абсолютизма и является просвещенный абсолютизм.

Для того, чтобы выяснить содержание и особенности данного периода в эволюции феодальной надстройки, рассмотрим следующие наиболее важные, на наш взгляд, вопросы: исторические условия и расстановка классовых сил в России во второй половине XVIII в.; политика правительства по совершенствованию государственного устройства России; экономическая и социальная политика Екатерины II; хронологические грани просвещенного абсолютизма.

Вторая половина XVIII в. характеризуется в нашей исторической литературе как время разложения феодальных общественных отношений и вызревания в недрах феодальной системы новых, буржуазных отношений, которые достигают уже определенной зрелости — становятся укладом. Это выражалось в растущем разделении труда как между городом и деревней, так и между различными экономическими районами страны, в росте внутренней и внешней торговли, в новых условиях развития всероссийского рынка, в проникновении рыночных отношений в самую отсталую отрасль экономики — в сельское хозяйство, в развитии промышленности как крупной (мануфактуры), основанной и на крепостном и (что особенно важно) на вольнонаемном труде, так и мелкой крестьянской промышленности (ремесла)⁷. Отмечая успешное развитие новых явлений в жизни страны, необходимо подчеркнуть, что это развитие

⁶ А. Я. Аврех. Указ. соч., стр. 89.

⁷ П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности. М. 1947; В. А. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М. 1953; Н. А. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М. 1957.

производительных сил происходило на основе феодального способа производства, в рамках феодальной системы, которая оставалась еще безраздельно господствующей; что буржуазные отношения проявлялись еще как тенденция развития, не угрожавшая в данный момент ни преобладанию феодального хозяйства, ни господству класса феодалов.

Происходившие изменения в экономике страны сказывались и на положении классов и сословных групп, на их взаимоотношениях и на их отношении к государственной власти. Господствующим классом в России оставалось дворянство, монопольно владевшее основным средством производства — землей, являвшееся собственником половины всего крестьянского населения и строившее свое хозяйство на основе внеэкономического принуждения. Однако его положение к этому времени значительно изменилось. Полуторавековая борьба царской власти с боярством, как носителем феодального сепаратизма и соперником самодержавия в претензиях на политическое руководство, дала свои необратимые результаты. Политическая роль старого родовитого дворянства становилась все ничтожнее: последний удар по нему нанес Петр I, заменив при назначении на государственную службу принцип породы принципом выслуги. И хотя полностью отеснить принцип породы не удалось (да это для самодержавия и не было нужно), принцип выслуги занял равное с ним место. Отдельные попытки возродить политическое значение родовитых феодалов не удалось даже в условиях послепетровского междуцарствия. В 1730 г. против верховников сплоченной массой выступило служилое дворянство. После этих событий оно довольствовалось теми социальными и экономическими привилегиями, которые отвоевало. Его политическое влияние осуществлялось через бюрократию, а также офицерство, рекрутировавшееся в основном из дворянства; однако последние выступали уже не как соперники абсолютизма, а состояли у него на службе, были в полной зависимости от него. Наряду с потерей политического влияния дворянство начинает терять потенциальные возможности и в хозяйственной деятельности, так как натуральное феодальное хозяйство переставало удовлетворять растущие потребности страны. Его дальнейшее развитие возможно было только при условии приспособления к растущему всероссийскому рынку, а это уже подрывало основы всего феодального хозяйства.

Торгово-промышленное население значительно выросло, его роль в хозяйственной жизни страны стала настолько велика, что купечество превратилось в серьезную экономическую силу. В Уложенной комиссии 1767 г. купеческие депутаты выступили с требованием монополизировать в своих руках всю торговлю и промышленность, стремясь вытеснить из нее и дворян и крестьян, наступая даже на основную привилегию дворянства — обладание землей и крестьянами⁸. Однако соперничество купечества с дворянством проявлялось только в экономической области. Торгово-промышленное население не осознало еще себя как особый класс общества, противостоящий феодальному строю и феодальному классу, не выработало своей самостоятельной политической и социальной идеологии. Его развитие еще всецело происходило в рамках феодального способа производства на основе феодальной эксплуатации, и оно не мыслило себе других возможностей для развития. Получение дворянского звания, обладание крепостными крестьянами — вот те требования, с которыми представители городов прибыли в Уложенную комиссию. Население городов подразделялось на многочисленные сословные группировки феодального происхождения — купцы (три гиль-

⁸ См. М. Богословий. Дворянские указы в екатерининскую комиссию 1767 г. «Русское богатство», 1903, №№ 6, 7; А. В. Флоровский. Из истории екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Одесса. 1910; его же. Состав законодательной комиссии 1767—1774 гг. Одесса. 1915.

дии), цеховые ремесленники, мещане, посадские и другие. Это мешало социальной консолидации данной части общества, превращению ее в самостоятельный класс. Таким образом, если дворянство (хотя оно еще не исчерпало всех своих возможностей) уже переставало быть прогрессивным классом, возглавлявшим на определенном отрезке времени исторический прогресс, то торгово-промышленное население городов еще не стало таковым — не сложилось в класс, не накопило достаточного количества капиталов, не выработало своей идеологии.

Основным по численности классом страны было феодально-зависимое крестьянство. Положение этого класса определялось его все усиливавшейся крепостной зависимостью от помещиков и ухудшалось в связи с тем, что развитие всероссийского рынка и процесс первоначального накопления, который проходил в это время, также ложились на его плечи. Борьба между крестьянами и феодалами обострялась, и отдельные восстания вылились, наконец, в крупную крестьянскую войну в 70-х годах XVIII в., которая явилась серьезным испытанием для феодального государства. Однако крестьянское движение носило стихийный и раздробленный характер. Участники его не выработали своей идеологии и не несли новых производственных отношений. Без руководства со стороны буржуазии крестьянское движение было слабо и не представляло собой угрозы основам феодального строя. Таким образом, классовые противоречия между крестьянами и феодалами, между дворянством и купечеством хотя и приобретали довольно острый характер, однако не были не только предвестием революции, но и не представляли серьезной угрозы абсолютизму. Более того, они приводили к консолидации господствующих слоев населения вокруг самодержавия, ставили их в еще большую зависимость от последнего.

Именно в силу этих обстоятельств абсолютизм во второй половине XVIII в. получает наибольшую самостоятельность по отношению к борющимся классам и, опираясь на армию, бюрократию и бюрократически организованное дворянство, может еще отражать в своей политике интересы складывающейся нации (при отсутствии достаточно развитых буржуазных отношений), поскольку они в данное время совпадают с интересами господствующего класса.

В таких условиях и начала проводиться политика просвещенного абсолютизма, сложился «союз» российской царицы с философами французского просвещения, как торжественно именовали этот период некоторые буржуазные историки. Екатерина II была, бесспорно, одной из крупных фигур на российском престоле — и умная, и образованная, и способная, и удачливая. Она хорошо знала французскую и немецкую политическую литературу. Однако вряд ли есть основание переоценивать степень влияния идей просвещения на ее деятельность и в связи с этим согласиться с Н. М. Дружининым, который утверждает, что «Екатерина была достаточно умна и идейно подготовлена, чтобы почувствовать и оценить грядущую опасность», «грозившую устоям самодержавно-крепостнического строя», что, «вступая на престол, она уже имела сложившуюся программу, которая восходила своими истоками к умеренному течению просветительной литературы»⁹. Вряд ли Екатерина II могла «почувствовать и оценить грядущую опасность», так как этой опасности еще не существовало, а если императрица и имела какую-то программу (к сожалению, мы о ней ничего не знаем), то не она легла в основу ее правительственной деятельности. Истоками «просвещенной» политической программы Екатерины II являлось не «умеренное течение просветительной литературы», а реальная расстановка классовых сил, и любые политические идеи, которые она использовала, могли быть лишь идеологической формой политики.

⁹ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 435—436.

Екатерина II вступила на престол в сложных политических условиях в результате очередного дворцового переворота, которые уже в течение почти 40 лет определяли преемственность российского престола, лишая верховную власть «авторитета, устойчивости и принципиальности» (А. Д. Градовский), ибо своему утверждению она была обязана случайным причинам: борьбе придворных группировок, верхушки бюрократии и армии. Неустойчивость власти, отсутствие четкой системы государственных органов, действующих на основании «непреложных» государственных установлений, — характерная черта российской государственности послепетровского времени: реформа Петра I лишь заложила основы абсолютистской государственной системы да к тому же была частично извращена последующими законодателями. Второй фактор, с которым сразу же пришлось столкнуться новой императрице, — это рост крестьянского движения. Он свидетельствовал не только об обострении противоречий между помещиками и крестьянами, но и о неспособности местных властей быстро справляться со вспышками недовольства крестьян.

Поэтому главной идеей всего царствования Екатерины II стало укрепление авторитета верховной власти и совершенствование государственного аппарата, направленное на то, чтобы сделать его более гибким, послушным и централизованным. Это была традиционная политика любого абсолютного монарха. Решая эту задачу, Екатерина II превосходно использовала и новейшую политическую литературу, приспособившая передовые, умные и модные идеи к тем социальным отношениям, которые были основой самого абсолютизма. Уже первые программные документы — Манифест 1762 г. и Наказ 1767 г. — четко отразили эту основную идею, причем если манифест определял главные задачи царствования, то Наказ наметил пути решения этих задач.

Свое вступление на престол Екатерина II обосновывает не только традиционным «божьем» изволением, но и (в полном соответствии с новейшими теориями) народным избранием, выразившимся в приветственных криках столичной толпы при объявлении ее императрицей. Однако главным аргументом все же оставался «промысел божий», очевидно, как более понятный и убедительный. Уже в своих первых документах Екатерина недвусмысленно подчеркивает, что власть монарха должна быть самодержавной, неограниченной, что только такая власть может наиболее полно обеспечить «благо народа», а для доказательства этого важнейшего для нее тезиса она выдвигает другой аргумент, заимствованный у новейших писателей (который, кстати, у этих писателей имел совершенно другое значение), — географический фактор. «Государь, — пишет она в Наказе, — есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно с пространством столь великого государства...»¹⁰. Выдвигает Екатерина и другие аргументы — разбросанность населения по огромной территории, «расположение народа» (под которым понимается его низкий культурный уровень), разумность и целесообразность. Уже тот факт, что «самодержавие всероссийское» приходилось доказывать необходимость неограниченной верховной власти и для этого прибегать к новейшим политическим идеям, говорит о тех сдвигах, которые происходили в общественном сознании (хотя переоценивать их не следует, ибо нужно учитывать, что эти документы были рассчитаны не только на русского читателя, но и на ее зарубежных поклонников), о том, что самодержавию уже нужны были новые идеологические подпорки, которые, не меняя существа дела, придавали бы всему зданию более благообразный вид.

¹⁰ «Памятники русского законодательства 1649—1832 гг.». Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения. СПб. 1907, ст. 9. В дальнейшем ссылка на этот источник делается в тексте: Наказ, ст. 9.

В манифесте 1762 г. Екатерина II резко критиковала отсутствие четкой системы государственных органов, неразграниченность их функций, произвол в их деятельности из-за недостатка или даже отсутствия «начальных оснований правительства» в фундаментальных законах, с помощью которых только и возможно обеспечить деятельности правительственных органов «твердую форму». Уже в этом документе она обещала законодательным путем ввести правительственную деятельность в определенные рамки, но не ограничивая ее, конечно, а «узаконить такие государственные установления, по которым бы правительство любезного нашего отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело так, чтобы и в потомки каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка, и тем уповаем предохранить целостность империи и нашей самодержавной власти»¹¹. Таким образом, утверждение строгой законности, которой должны подчиняться все без исключения, утверждение формы и порядка в деятельности правительственных органов — вот те средства, с помощью которых она надеялась достичь всеобщего благоденствия, а главное, укрепить самодержавную власть.

Для Екатерины II, как и вообще для государственных деятелей и мыслителей того времени, было характерно преувеличенное представление о роли законодательства. Она искренне верила и неоднократно повторяла, что «законы — основание державы составляют», что «все граждане должны быть подвергнуты одним и тем же законам» (Наказ, ст. 22—35, 41—44). И хотя она понимала в соответствии с учением Монтескье, что «законоположение должно применять к народному умствованию» (Наказ, ст. 57) и что «весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями» (Наказ, ст. 60), созывая Комиссию по сочинению нового Уложения, она надеялась создать такое законодательство, которое не только фиксирует права и обязанности граждан, не только поставит деятельность правительственных органов на «твердое основание законов», но и водворит в стране «всеобщее благоденствие». Однако Екатерине не удалось не только «водворить» благоденствие, но даже создать новое Уложение. И дело заключалось не в одной «непросвещенности» общества и неподготовленности его к восприятию новых идей (хотя и это имело место), но и в том, что и само правительство было не выше общества — оно не только не хотело, но и не могло затронуть существующие социальные отношения, ограничить самодержавие, которое увенчивало эти отношения.

Каким же путем Екатерина II предполагала «водворить» законность в государстве? Если Монтескье считал возможным этого добиться с помощью исторически сложившихся и независимых от монарха сословий, которые должны быть «посредствующими властями», ограничивающими верховную власть, то есть вкладывал в них конституционное содержание, то Екатерина надеялась этого добиться с помощью зависимой от центральной власти, но правильно организованной бюрократии, — «малые протоки, сиречь правительства, через которые изливается власть государства» (Наказ, ст. 20). В качестве конкретных мер предполагалось отделение правосудия от администрации и так называемое «право представления». Таким образом, идеал государственного устройства для Екатерины II — централизованная, неограниченная бюрократическая монархия, органы власти которой действуют на основе «непреложных» законов, то есть та самая государственная система, которую так энергично строил Петр I. Влияние французских просветителей проявлялось при конструировании этого идеала в том, что Екатерина II

¹¹ Цит. по: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. 25. М. 1881, стр. 133.

использовала их идеи для обоснования и совершенствования системы государственных установлений.

Как же претворялся в жизнь данный идеал? Из конкретных мероприятий Екатерины II наиболее принципиальное и практическое значение имели два: разгром Сената в 1764 г. и губернская реформа 1775 года.

«Правительствующий» Сенат, возрожденный Елизаветой Петровной, снова стал единственным высшим государственным органом, влияние которого определялось не только очень сильным составом (в него входила самая родовитая и сановная часть бюрократии), но широтой и неопределенностью его полномочий (у него были и законодательные, и административные, и судебные функции). Однако он, как отмечал еще А. Д. Градовский, не только не справлялся со своими полномочиями, но и дезорганизовал деятельность центральных органов власти. Вмешиваясь в дела коллегий, Сенат подрывал их самостоятельность (они превращались в простые канцелярии) и сделал невозможным разграничение их функций. Но самым неприятным для Екатерины II было то, что, пользуясь своим влиянием, он мог посягать на прерогативы царской власти и стать центром дворянской и бюрократической оппозиции.

Указом 1764 г. Сенат был разделен на 6 департаментов, причем два из них находились в Москве. Докладчиком по сенатским делам стал генерал-прокурор, к нему же на решение поступали все спорные дела. Таким образом, генерал-прокурор заслонил собою весь Сенат. Общие собрания Сената потеряли свое значение, Сенат превращался в рядовой бюрократический орган преимущественно с судебными функциями. Екатерина II стремилась «ослабить и сузить правительственную роль Сената», «стеснить до чрезвычайности его законодательную инициативу, организовать административную власть особо от него и свести его на значение места с судебным характером»¹². Возможно, планы ее были шире: реформирование всей системы центрального управления, основываясь на принципе разделения властей, и замена коллегиальной системы единолично министерской. Однако реальные результаты реформы оказались весьма невелики и носили скорее негативный характер: подорвав значение Сената, ослабив коллегиальную систему управления, которая к тому же сама изживала себя, Екатерина II не создала новой системы управления. Но задача коренной реформы центральной власти была поставлена.

Значительно последовательнее и успешнее Екатерина II решила проблему местного управления. Причина этого заключалась не только в том, что крестьянская война показала слабость местной власти и напугала правительство (хотя это, бесспорно, немаловажный фактор). Мысль законодательницы и раньше работала в этом направлении. Еще в инструкции губернаторам в 1764 г. Екатерина II высказала некоторые принципиальные идеи, которые затем легли в основу реформы 1775 года. Дело также и в том, что самодержавие вообще охотнее и смелее реформирует местное управление, поскольку это не особенно затрагивает самое монархическую власть, ее основы, имеет, если можно так сказать, меньшее принципиальное значение. Это особенно характерно для поздних этапов истории абсолютизма (но проявлялось уже и при Екатерине II): чем ближе к капитализму и, следовательно, развитее общественное самосознание, тем больше опасности любой реформой центральной власти, проводимой в «духе времени», подорвать устои самодержавного строя. Губернская реформа 1775 г.— одно из наиболее удачных, продуманных и детально разработанных мероприятий Екатерины, причем ее личная роль в подготовке данной реформы бесспорна.

¹² А. Д. Градовский. Собр. соч. Т. 1, стр. 121.

Она не только изучила русскую историческую традицию в местном управлении, но и практику западноевропейских стран, новейшую юридическую литературу, как французскую, так и английскую.

Основные положения этой реформы сводились к следующему:

1. Увеличение количества губерний и уездов (в основу было положено количество населения). Расширение функций губернатора, который назначался царем, подчинялся ему непосредственно, являлся его доверенным лицом и уже поэтому наделялся неограниченными полномочиями в пределах губернии. Губернское правление не было коллегиальным органом, ограничивающим его власть.

2. Создание самостоятельных судебных органов по сословному принципу — для дворян, купечества и государственных крестьян. Таким образом, было декларировано отделение суда от администрации. При создании судебных органов применялись и элементы выборности.

3. Местные уездные органы власти передавались целиком дворянам — капитан-исправникам и заседателям. Они выбирались местным дворянством и утверждались губернатором.

4. Было положено начало сословному самоуправлению и сделана попытка сотрудничества выборных от свободных сословий в совместном суде (примирительная и третейская инстанция по незначительным делам) и Приказе общественного призрения, ведавшем строительством и содержанием школ, больниц, богаделен, сиротских и рабочих домов.

5. Губернаторам совместно с губернским правлением, судебной казенной палатой предоставлялось право представления в Сенат о неудобствах вновь изданного закона¹³.

Среди этих мероприятий наиболее важное значение имели, несомненно, во-первых, разукрупнение губерний, расширение функций губернаторов как наместников самого царя и, во-вторых, декларирование отделения суда от администрации, создание самостоятельных судебных органов. Если первое из них окончательно подорвало роль Сената и всякую возможность возникновения консервативной оппозиции, углубило дезорганизацию коллегий и опять-таки подводило к реформе центральной власти, а в целом способствовало централизации и укреплению верховной власти, то второе важно с принципиальной стороны: оно как бы определило тенденцию развития государственности в направлении разделения властей. Здесь, несомненно, сказалось влияние на русское законодательство французской просветительской мысли, однако оно касалось главным образом структуры и формы государственных учреждений и не затрагивало его социального содержания. Реальное же значение отделения суда от администрации невелико, ибо достигнуть подлинной независимости суда в условиях самодержавия невозможно, это не удалось сделать даже сто лет спустя.

Что касается элементов выборности, «права представления» и «сотрудничества» сословий, то, во-первых, результаты этих деклараций были практически ничтожны; во-вторых, нового даже с точки зрения принципа они вносили мало: эти элементы существовали и в период сословной монархии (еще в большей степени) и даже в петровскую эпоху. Бюрократический аппарат был еще настолько несовершенен, что обойтись без некоторой общественной самодеятельности самодержавие просто не могло (выборные земские комиссары, самоуправление городов, законодательные комиссии, коллегия «ста дворян» и др.). Изменение форм государственных органов не влекло за собой изменения содержания их деятельности. Социальная основа их оставалась неизменной.

¹³ Ю. В. Готье. История областного управления от Петра I до Екатерины II. М. 1913; А. Лаппо-Данилевский. Указ. соч.; Н. М. Дружинин. Указ. соч.

Говорить о буржуазных тенденциях в этой реформе можно лишь постольку, поскольку централизация и совершенствование аппарата управления способствовали развитию производительных сил, отвечали на данном этапе интересам нации в целом. Это, бесспорно, прогресс, но прогресс в рамках феодальной формации.

Какова же социальная политика просвещенного абсолютизма, то есть российского самодержавия второй половины XVIII века? Несомненно, в центре внимания этой политики был класс феодалов — основная социальная опора самодержавия на всех этапах его развития, причем абсолютизм учитывал те изменения, которые произошли ко второй половине XVIII в. в положении дворянства и в расстановке классовых сил вообще. Остановимся на двух важнейших документах, в которых в обобщенном виде рассматривается вопрос о дворянстве. Это уже цитированный выше Наказ Екатерины II и Жалованная грамота дворянству.

Прежде всего бросается в глаза краткость и крайняя бедность содержания главы XV (О дворянстве) Наказа — основного программного документа, российского просвещенного абсолютизма¹⁴. 16 статей этой главы определяют сущность дворянства — «дворянство есть нарицание в чести различающее от прочих тех, кои оным украшены» (Наказ, ст. 360), указывают, что «добродетель с заслугою возводит людей на степень дворянства» (Наказ, ст. 363), причем в числе «добродетелей», за которые «сие достоинство от государя получить можно», отмечаются «любовь к отечеству, ревность к службе, послушание и верность к государю» (Наказ, ст. 364). Больше всего возможностей для получения дворянского звания дают военная служба и отправление правосудия (Наказ, ст. 365—368). Затем перечисляются проступки, за которые дворянин лишался дворянского достоинства: «Измена, разбой, воровство всякого рода, нарушение клятвы и данного слова, лжесвидетельство» (Наказ, ст. 371). Завершается этот раздел весьма туманной статьей о правах дворянства: «Преимущества же дворянские должны все основаны быть на вышеописанных начальных правилах, составляющих существо дворянского звания» (Наказ, ст. 375). Как видим, ничего нового в этой главе нет. Создается впечатление, что списать что-нибудь у своих «излюбленных» писателей Екатерина II не захотела, а придумать что-либо свое не смогла. Поэтому глава наполнена самыми общими и банальными фразами, которые не вносят ничего нового в существо проблемы. Даже выяснить сущность социальной программы Екатерины II по этим туманным формулировкам невозможно. Вместе с тем такая неопределенность дала простор дворянским депутатам выступить со своей развернутой программой в Уложенной комиссии, где и произошли столкновения представителей различных социальных группировок: дворянства и купечества, родовитого и служилого дворянства. Эти столкновения показали, что в России еще не было такой силы, которая выходила бы из рамок феодальных общественных отношений и феодальной идеологии (разрозненные выступления отдельных депутатов, тонувшие в хоре голосов крепостников, можно было и не принимать в расчет), и что единственной компактной социальной и политической силой может быть только дворянство.

Важным этапом в окончательном оформлении (но не изменении) социальной программы Екатерины II была крестьянская война начала 70-х годов. Крестьянские войны XVII—XVIII вв. — несомненно, очень важный фактор общественной жизни, влиявший на все ее стороны. Возникнув в условиях, когда шел процесс территориального объединения, зарождения национальных связей и политической централизации

¹⁴ С. Корф. Дворянство и его сословное управление. 1762—1855. СПб. 1906; М. Т. Белявский. Указ. соч.

(в условиях политической раздробленности таких возможностей не было), то есть на поздней стадии феодализма, они прекращаются в тот период, когда начинает складываться буржуазный строй, когда абсолютизм как централизованное государство достигает своего наивысшего могущества, а крестьянство начинает перерастать в класс буржуазного общества и условий для его консолидации остается все меньше.

Хотя последняя крестьянская война в России не несла новой идеологии и новых общественных отношений, особенность ее состояла в том, что она не использовалась феодальными группировками в своей внутриклассовой борьбе, как это имело место в отношении ранних крестьянских войн. Объективно она была направлена против всего строя феодальной эксплуатации и его политической надстройки. Дворянство (включая все его группировки), враждебное этому движению, являлось единственной надежной опорой власти. Горожане, напротив, охотно принимали участие в восстании, хотя и не вносили в него ничего принципиально нового. Такая расстановка сил была учтена Екатериной при проведении губернской реформы 1775 года.

Отметим две стороны данной реформы, важные, на наш взгляд, для характеристики социальной политики самодержавия: 1) создание в масштабе уезда и губернии дворянских обществ и органов дворянского самоуправления; 2) передача местной земской власти в ведение выборных представителей дворянства: капитан-исправников и заседателей. Дворянские и буржуазные историки придавали этим установлениям (особенно первому) исключительно преувеличенное значение, считая, что они конструировали дворянство как особый класс общества. Однако это не так. Правительство лишь фиксировало и закрепляло те отношения, которые уже сложились. Вместе с тем, создавая политическую организацию дворянства в масштабах губернии, оно, бесспорно, способствовало социальной консолидации дворянского класса.

На первый взгляд кажется непонятным, почему абсолютистское государство, пришедшее на смену сословно-представительной монархии и враждебное сословному сепаратизму и корпоративности, само создало местную политическую организацию дворянского класса. Не прониклась ли «северная Семирамида» идеями Монтескье настолько, что готова была поступиться и самими принципами абсолютизма? При ответе на эти вопросы необходимо учитывать следующие обстоятельства. В-первых, российский абсолютизм, как уже отмечалось выше, никогда не мог обходиться без известной помощи организованных сословных группировок. Их помощь особенно была необходима в сложные и кризисные моменты. Во-вторых, если раньше абсолютизм укреплялся путем расширения своей социальной базы, вовлечения в господствующий класс новых сил, то теперь такие возможности в значительной степени были исчерпаны или оказывались недостаточны. Между тем зарождались и росли силы, которые в будущем могли грозить и феодализму и абсолютизму. В этих условиях абсолютизм и принимает меры по укреплению своей социальной опоры путем консолидации и политической организации господствующего класса. Бесспорно, Екатерина II при этом использовала идеи главного своего учителя — Монтескье. Но если Монтескье стремился к ликвидации абсолютизма и установлению сословно-представительной конституционной монархии, то в интерпретации Екатерины II его идеи служили другим целям — укреплению абсолютизма. Сословные органы дворянства были созданы лишь в рамках уезда и губернии для решения местных нужд; их законодательная инициатива и влияние на центральное правительство были ничтожны. К тому же они контролировались администрацией, а их выборные представители вливались в общегосударственную бюрократическую иерархию, то есть становились винтиками государственной машины, местными полицей-

скими органами. Ни о каком ограничении самодержавной власти, таким образом, и речи быть не могло. Необходимо учитывать к тому же, что никакого другого сословия, способного к политической самостоятельности (даже если бы оно получило внутреннее самоуправление), в России в то время еще не было. Это и создавало самодержавию простор для реформаторской деятельности, направленной, по существу, не на расширение «общегражданских правовых норм», как это утверждали буржуазные авторы, а на укрепление своей собственной власти.

Наиболее полно продворянская политика Екатерины II проявилась в Жалованной грамоте дворянству 1785 года. Жалованная грамота не вносит чего-либо существенно нового в дворянские права и привилегии: дворянство достигло вершины своего могущества, и дальнейшее расширение его прав было невозможно без ущерба для самодержавной власти. Но уже само торжественное провозглашение этих прав «на вечные времена и непоколебимо» имело принципиальное значение. Законодательница обращается «к нашему вернолюбезному подданному российскому дворянству, имея в памяти вышесказанные его заслуги, ревность, усердие и непоколебимую верность самодержцам» и «движимые будучи собственной матернюю любовью и отлично признательностию к российскому дворянству»¹⁵.

Отметим лишь те положения Грамоты, которые видоизменяют или развивают соответствующие положения Наказа. Подчеркивая полезность «благородного дворянства» империи и престолу, законодательница декларирует, что «благородное дворянское достоинство неотъемлемо, наследственно и потомственно» (ст. 2). Утверждается право дворянина судиться «своими равными», освобождение от телесных наказаний (ст. 15). Торжественно подтверждается манифест 1762 г. «о вольности дворянства» (ст. ст. 17—18). Новым по сравнению с Наказом являются статьи, посвященные экономическим привилегиям дворянства, которые отсутствовали в ранних документах. «Благородным подтверждается право покупать деревни» (ст. 26), «подтверждается право оптом продавать, что у них в деревнях родится, или рукоделием производится» (ст. 27), «иметь фабрики и заводы по деревням» (ст. 28), заводить в своих имениях «местечки, и в них торги и ярмонки» (ст. 29), покупать дома в городах «и в оных иметь рукоделия» (ст. 30), право на недра земли (ст. 38). В документе развертывается целая экономическая программа, которой не было в Наказе (в нем, как известно, вопрос о торговле дворянства ставился очень осторожно и скорее отрицательно). В статьях 330, 331, 332, 333 Наказа пространно цитируется «некоторый лучший о законах писатель» — Монтескье, который в целом отрицательно относится к тому, чтобы дворянство занималось торговлей: «Сие было бы способом к разорению дворянства безо всякой пользы для торговли» (ст. 330). Изменение позиции Екатерины II по этому кардинальному вопросу русской жизни второй половины XVIII в. объясняется не только позицией дворянских депутатов в Уложенной комиссии и борьбой, развернувшейся между дворянскими и купеческими депутатами, но и теми сдвигами, которые происходили в экономике России. Если бы дворянство не приспособилось к развивающимся товарно-денежным отношениям, оно потеряло бы и экономическое могущество и политическое влияние. И самодержавное правительство, даже в просвещенной оболочке, торопится прийти на помощь своим «возлюбленным» подданным. Раздел Б этой грамоты — «о собрании дворян, установлении общества дворянского в губернии и о выгодах дворянского общества» — развивает и конкретизирует установления о дворянском самоуправлении губернской реформы 1775 года.

¹⁵ ПСЗ. Т. XXII, № 16187.

Жалованная грамота дворянству подверглась суровой критике со стороны красноречивого идеолога дворянства М. М. Щербатова главным образом за то, что она не дала дворянству никаких новых привилегий или если и дала, то слишком мало, а право «представления», например, он назвал «правом визжать, когда их бьют»¹⁶. Бесспорно, Екатерина II удовлетворила далеко не все претензии благородного сословия: оставила в силе установленное Петром I и ненавистное родовитому дворянству право выслуги, поставила под бдительный контроль администрации деятельность органов дворянского самоуправления, то есть тщательно оградила независимость и прерогативы верховной власти. В этом и сказалась известная самостоятельность абсолютизма даже по отношению к господствующему классу. Но бесспорно и другое: Екатерина II приняла энергичные меры для укрепления экономического могущества дворянства, по его политической и социальной консолидации, как своей основной и наиболее надежной опоры.

Продворянская политика Екатерины II особенно ярко проявилась в ее отношении к крепостному праву и крестьянству. Эта сторона политики Екатерины II обстоятельно изучена в нашей литературе, поэтому напомним лишь некоторые основные факты. Вступив на престол в очень сложных политических условиях, Екатерина II в 60-х годах позволила себе некоторые «просветительские» высказывания — о необходимости избегать крайностей крепостного права, о возможности крепостным крестьянам иметь движимую и недвижимую собственность, о том, чтобы «законы гражданские, с одной стороны, злоупотребление рабства отвращали, а с другой стороны, — предостерегали бы опасности, могущия тутуда произойти» (ст. 254). Однако эти высказывания, хотя и дали повод Щербатову упрекнуть императрицу в «неосторожных суждениях» и «безразмыслительном» чтении новейших писателей, реального отражения в ее политике не нашли. Уже в своем Наказе, документе декларативном, рассчитанном не только на русского читателя, но и на своих западноевропейских поклонников, она, хотя и поставила вопрос о том, что «законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества» (ст. 261), однако в предшествующей статье предупредила: «Не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великаго числа освобожденных» (ст. 260). Практическая же деятельность Екатерины II была полным отрицанием этих весьма осторожных высказываний. Закрепощение крестьян на Украине и на Дону, жестокое подавление крестьянских волнений, запрещение крестьянам жаловаться на помещиков, разрешение помещикам ссылать своих крестьян в Сибирь и многие другие аналогичные законы — такова реальная политика «просвещенной» императрицы¹⁷. Эта политика, как видим, носила откровенно продворянский, крепостнический характер. Конечно, не все дворянские притязания были удовлетворены. Дворянство, как известно, настойчиво домогалось передачи ему всех государственных и экономических крестьян. Пойти на такую крайнюю меру правительство не могло, и в этом опять-таки проявилась его известная самостоятельность. Хотя, как правильно утверждает А. Я. Аврех, «в XVIII в. крепостничество было основой экономического развития и укрепления государства»¹⁸, однако интересы государства и феодального класса в целом требовали, во-первых, сохранения многослойности крестьянского населения для предотвращения его консолидации, а во-вторых, поощрения и иных форм эксплуатации народных масс, так как крепостное хозяйство — патриархальное и натуральное в своей основе — уже не могло удовлетворить потребности страны. Для правительства бы-

¹⁶ М. М. Щербатов. Соч. Т. 1. М. 1896, стр. 300.

¹⁷ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. I. СПб. 1881; т. II, СПб. 1901.

¹⁸ А. Я. Аврех. Указ. соч., стр. 96.

ло уже очевидно значение третьего сословия и не только «из безразмыслительного чтения новейших писателей», но и из жизненной практики того времени. Вот почему, предупреждая «излишнюю захватчивость» дворян, Екатерина II в своем Наказе писала: необходимо «избегать случаев, чтоб не приводить людей в неволю, разве крайняя необходимость к учинению того привлечет, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной; однако и та едва не весьма ли редко бывает» (ст. 253). Практика показала, что это бывало довольно часто, но все же далеко не в тех размерах, о каких мечтало дворянство. Во всяком случае, в своей политике по отношению к крепостному крестьянству Екатерина II стояла на консервативных крепостнических позициях, и этот вывод не могут поколебать ни кажущиеся противоречия в ее высказываниях и политике, ни мероприятия по отношению к так называемому «третьему сословию»¹⁹.

Однако было бы неправильно оценивать политику Екатерины II по отношению к дворянству и крестьянству только как реакцию и регресс. В ней были и свои прогрессивные стороны. Известное значение имели и ее призывы к помещикам избегать жестокости и «излишеств» по отношению к крестьянам и постановка ею вопроса в Вольном экономическом обществе о собственности крестьян и даже введение дворянского самоуправления, поскольку объективно все это способствовало росту политического самосознания части общества. Однако ничего буржуазного в такой политике не было. Говорить о буржуазных тенденциях в данном случае можно лишь постольку, поскольку эти мероприятия не препятствовали (а некоторые и содействовали) объективному процессу социально-экономического развития страны.

Политика самодержавия второй половины XVIII в. по отношению к городу, городским сословиям и его экономической политике также испытала на себе влияние новейших политических и экономических теорий, что объясняется не только силой и убедительностью этих идей, но и главным образом социально-экономическим развитием России²⁰. Уже в Наказе проблемам города и городского населения отведено четыре главы: «О размножении народа и государства» (гл. XII), «О рукоделии и торговле» (гл. XIII), «О среднем роде людей» (гл. XVI), «О городах» (гл. XVII). Итогом этой политики можно считать Жалованную грамоту городам 1785 года. Каких-либо принципиальных расхождений между этими документами нет. В них отмечается значение торговли и промышленности для государства, а также значение людей, занимающихся торговой или промышленной деятельностью — «сей род людей, ...от которого государство много добра ожидает», и что «оный, пользуясь вольностью, не причисляется ни ко дворянству, ни к хлебопашцам» (Наказ, ст. ст. 378, 379). В Наказе депутатам рекомендуется для городских жителей «учредить основанное на добронравии и трудолюбии и к оным ведущее положение» (ст. 376), причем ничего не говорится о том, каково же оно должно быть. Только в Жалованной грамоте городам это положение было наконец выработано.

Жалованная грамота городам определила внутреннюю организацию городского общества, сохранив и утвердив особыми правами его многосословность, декларировала наследственность сословного звания при условии выполнения сословных повинностей, свободу торговли

¹⁹ Особой страницей в крестьянской политике Екатерины II является подготовленный ею проект Сельского положения, который должен был оформить организацию и политическое положение государственных крестьян. Нам представляется правильным тот анализ, который дал этому документу акад. Н. М. Дружинин.

²⁰ И. И. Дитятин. Устройство и управление городов России. Тт. I—II. СПб. 1875—1877; П. Г. Рындзюнский. Городское гражданство дореформенной России. М. 1958.

и промышленной деятельности, безусловное распоряжение своей собственностью и передачу его по наследству, освобождение от телесных наказаний купцов 1-й и 2-й гильдий и именитых граждан, организацию городского самоуправления, выбранного по цензовому принципу. Причем функции самоуправления были ограничены только местными нуждами: оно было всецело поставлено под контроль администрации, а его право представления о своих нуждах было ограничено только губернатором (дворянские общества, как известно, имели право обращаться и в Сенат и к царю). Если взять социальную сторону этой политики, то и здесь ничего принципиально нового Екатерина II не внесла. Акад. Н. М. Дружинин прав, когда он пишет: «Городовое положение 1785 г. восходило своими истоками к петровскому законодательству»²¹.

Таким образом, влияние Монтескье с его идей о посредствующих властях (под которыми он понимал сословное представительство, ограничивающее власть монарха) было ничтожно и касалось скорее формы, а не существа проблемы. Фактически мы видим традиционную политику абсолютизма, который поддерживал города, опирался на них, однако рассматривал городское население как феодальные сословия, как тяглую силу, без которой невозможно строительство государства. Законодательство Екатерины II о городах носило фискальный характер, а та организация, которую она дала городскому населению, не выходила из рамок феодального общества, хотя и обеспечивала еще развитие города в пределах феодальных общественных отношений.

Гораздо больше принципиально нового было в экономической политике Екатерины II. Это прежде всего, как правильно отмечают акад. Н. М. Дружинин и другие исследователи, провозглашение принципов свободы промышленной и торговой деятельности, ликвидация монополий, декларирование принципов физиократизма в экономической политике. Через всю законодательную деятельность Екатерины II проходит один постоянный мотив — примат земледелия перед всеми другими «родами» деятельности: «Земледелие есть первый и главный труд, к которому поощрять людей должно, второй есть рукоделие из собственного произращения» (Наказ, ст. 313). Настоятельно в ее политике звучит также мотив о свободе торговой и промышленной деятельности — «торговля оттуда удаляется, где ей делают притеснения, и водворяется тамо, где ее спокойствия не нарушают» (Наказ, ст. 317). Не менее решительно выступала Екатерина II против откупов и монополий. «Во многих землях, где все на откупу правление государственных сборов разоряет торговлю своим неправосудием, притеснениями и чрезмерными налогами» (Наказ, ст. 319). Причем Екатерина не только провозглашала эти принципы, но и проводила их в жизнь. Законы 1762, 1763, 1767, 1769, 1775 гг. и другие ликвидировали монополии, откупа и провозглашали принцип свободы торговой и промышленной деятельности, «чтобы ниоткуда не воспрепятствовано было свободно заводить станы всякого рода и на них производить всякого рода рукоделия без других на то дозволений или приказаний»²².

Н. М. Дружинин справедливо утверждает, что «законы 60—70-х гг. сыграли крупную роль в хозяйственной жизни»; он подчеркивает, что создание Вольного экономического общества, экспедиции Академии наук для изучения природных богатств и многие другие мероприятия способствовали экономическому развитию страны. Однако вряд ли есть основания для переоценки «буржуазности» этой политики и утверждения, что

²¹ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 451.

²² ПСЗ. Т. XX, № 14275.

эти законы «открыли простор» для перерастания крестьянской промышленности «в капиталистическое производство»²³.

Бесспорно, физиократизм (экономическое учение, делавшее шаг вперед по сравнению с меркантилизмом, так как оно перенесло центр внимания из сферы обращения в сферу производства и выступило за свободу экономической деятельности) оказал влияние на экономическую политику Екатерины II. Однако в реальной политике физиократизм мог применяться далеко не всегда и не во всех странах, а его проведение могло и не вести к росту «буржуазных» тенденций. Учение физиократов, как указывал К. Маркс, было противоречивым, в нем буржуазные экономические идеи еще не сумели найти свою собственную форму и потому выступали в «феодальной оболочке», были ограничены феодальным кругозором. Оно является «как бы буржуазным воспроизведением феодальной системы господства земельной собственности, и те отрасли промышленности, в которых капитал впервые самостоятельно развивается, кажутся ей, наоборот, «непроизводительными» отраслями, простыми придатками земледелия»²⁴. Физиократы хотели провести свои принципы мирным путем, без ущерба для господствующих классов, на основе существующей системы общественных отношений и абсолютизма. Именно эта «феодальная оболочка» в данном учении и привлекала «просвещенных деспотов» и даже представителей консервативных кругов феодального класса (например, М. М. Щербатова), так как в условиях незрелости буржуазных отношений она помогала приспособляться феодальному классу к новым экономическим условиям, не затрагивая существа социальных отношений. Физиократизм не стал универсальной экономической политикой для всех стран просвещенного абсолютизма. Фридрих II, например, оставался последовательным проводником меркантилизма, а в политике Екатерины II сочетались физиократические черты (и прежде всего декларации) с меркантилизмом. Истоками ее политики было не столько отвлеченное учение, сколько реальные интересы государства и соотношение классовых сил в нем.

Экономическая политика Екатерины II, несомненно, способствовала развитию производительных сил страны (экономическая политика Петра I еще больше этому способствовала), и в этом ее прогрессивная сторона. Тем самым Екатерина II в какой-то степени поддерживала буржуазные тенденции, которые уже отчетливо проявились в экономике страны. Причем она исходила исключительно из интересов государства, основной социальной опорой которого было дворянство. Она поддерживала эти тенденции, так как они не выходили еще из рамок данной социальной системы, обслуживали ее, и не только не противоречили интересам господствующего класса, но и могли служить ему. Политика Екатерины была противоречива, но эта противоречивость являлась отражением противоречивости положения феодального класса в условиях развития товарно-денежного хозяйства. Социальная направленность данной политики была более консервативной, чем, положим, политики Петра I, так как самодержавие уже делает определенный крен в сторону преимущественной поддержки феодального класса, каким он сложился ко второй половине XVIII века. Важно подчеркнуть другое: проводя свою экономическую политику, просвещенный абсолютизм выступает еще как самостоятельная и инициативная сила, не всегда считаясь с интересами отдельных группировок (и весьма могущественных) феодалов или купечества, он исходит из интересов государства и господствующего класса в целом.

Самой сильной и последовательной стороной «просвещенной» политики Екатерины II, в которой наиболее полно проявилось влия-

²³ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 444, 888.

²⁴ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. Т. I. М. 1936, стр. 33—34.

ние просветительской философии, обычно считают поддержку науки и просвещения, литературы и искусства. Вторая половина XVIII в. является важным периодом в развитии русской культуры, причем, несомненно, российскому абсолютизму принадлежала в этом процессе значительная и иногда инициативная роль. Н. М. Дружинин перечисляет следующие мероприятия в области культуры, проведенные по инициативе правительства: учреждение при Академии наук особой Российской академии для изучения языка и литературы, расширение Академии художеств, образование придворного Эрмитажа, приглашение русских и иностранных архитекторов для постройки дворцовых зданий. Этот перечень можно было бы и продолжить: открытие ученых обществ, создание большого количества новых журналов, прогрессивная книгоиздательская политика, поощрение музыкальной и театральной культуры и пр.

В литературе отмечалось, что роль самой Екатерины II во всех этих начинаниях весьма значительна. Обладая незаурядными и разносторонними способностями и к тому же ревниво относясь ко всякой частной инициативе, Екатерина II хотела во всех областях культуры сказать свое слово, возглавить процесс, определить направление его развития. И здесь Екатерина стремилась к тому же единовластию как в общественной и государственной жизни. Ей принадлежит крылатая фраза: «Театр — школа народная, я в ней учитель, и за дело свое в ней дам ответ богу». Но, несмотря на то, что Екатерина II и русский абсолютизм сыграли заметную роль в развитии культуры, переоценивать прогрессивность этой политики и наличие буржуазных тенденций в ней вряд ли правомерно. Поддержка развития науки, просвещения, культуры со стороны правительства возможна в любые времена и периоды. Она может быть буржуазной, если направлена на разрушение феодальных социальных отношений. Между тем все начинания Екатерины II в области культуры, при всем их прогрессивном значении, были направлены не к подрыву существующих социальных отношений, а к их укреплению — они не выходили за рамки феодальных отношений ни субъективно, по мысли законодательницы, ни объективно, по их значению. Социальная программа просветительской деятельности Екатерины II была чрезвычайно умеренной. Прав исследователь идейных движений того времени А. Н. Веселовский, который отмечал, что в литературных произведениях Екатерины II имеются «насмешки вообще над людьми, над их слабостями, уродствами и нескладницей жизни», что «Екатерина как сатирик стояла на недостаточной высоте; она усвоила себе умеренный тон сатиры, осмеивающей общечеловеческие слабости, не желавшей затронуть непосредственные вопросы русской жизни»²⁵. Нельзя не согласиться и с другим выводом этого автора: «Значение (Екатерины II в развитии литературы.— И. Ф.) ...в начале, быть может, устанавливавшееся, потом было совершенно утрачено, и то знаменательное и важное, что было сделано в ее время, создалось независимо от нее, переросло ее, стало казаться ей враждебным»²⁶.

Екатерина II внимательно следила за идейными течениями своего времени, проявляла терпимость и либерализм в отношении западноевропейского общественно-политического движения (для этого были свои причины) и была очень ревнива к русской общественной мысли, жестоко наказывая все то, что выходило за очерченные императрицей рамки. Так было с Фонвизиним, Новиковым, Радищевым, Княжниним и другими. В этом отношении она была полностью солидарна с дру-

²⁵ А. Н. Веселовский. Просветительный век и Александровская пора. М. 1916, стр. 54, 55.

²⁶ Там же, стр. 47.

гим «просвещенным деспотом» того времени, Фридрихом II, который говорил: «Я покровительствую только таким свободным мыслителям, у которых приличные манеры и рассудительные взгляды». «Философ не станет кричать, что все идет дурно... Его голос не будет служить призывом к неповиновению, к образованию союза недовольных, предлогом для восстания. Он с уважением будет относиться к обычаям, установленным и освященным нацией, к правительству, к лицам, его составляющим и защищающим»²⁷. Для прогресса и свободы в таких условиях оставалось немного простора.

Важное место в просветительской политике Екатерины II занимала «забота» о воспитании и просвещении народа. Для просвещенного абсолютизма вообще характерно, что правительство берет на себя руководство просвещением и мелочную опеку над ним. Деятельность Екатерины II и ее соратников (Теплова, Бецкого, Дашкxсвой и др.) в области просвещения, бесспорно, была прогрессивной, однако она носила не буржуазный, а чисто просветительский характер и ничего нового в существующие общественные отношения не вносила. Итогом этой деятельности был «Устав народным училищам в Российской империи» 1786 года²⁸. По этому Уставу в каждом уездном городе должно было быть основано двухклассное малое народное училище, а в каждом губернском городе — четырехклассное главное народное училище. Обучение в этих училищах было бесплатным и добровольным. Для них создавались программы, учебники и методические пособия. Устанавливалась преемственность между разными типами школ. В наставлении учителям говорилось, что они не должны «пренебрегать детей бедных родителей, но всегда иметь в памяти, что они готовят члена обществу» (ст. 34), попечителю предписывалось распространять училища «не токмо по городам уездным, но и другим селениям» (ст. 64). Попечителем и главным руководителем деятельностью училищ назначался генерал-губернатор, а в столице — Главное правительство училищ.

В этом проекте обычно видят буржуазные тенденции в том, что он не устанавливает при обучении никаких сословных ограничений. Однако необходимо учитывать, что сословность и сословный строй — закономерный этап в развитии общества, и он не может получить однозначной оценки для всех исторических периодов и всех стран. Отсутствие сословных ограничений в «Уставе народным училищам» вовсе не означало стремления правительства их ликвидировать, а только невозможность их установить в области просвещения без ущерба для государства и страны. Правительство исходило не из желания просветить средние и нижние слои населения (как мы знаем, результаты этой просветительской политики были невелики и возможности для образования широким массам увеличились незначительно), а из реального положения вещей — нежелания дворянства учить своих детей в общеобразовательной школе и огромной потребности в образованных людях. Основы этой политики заложил еще Петр I, и ничего принципиально нового в нее внесено не было.

Вторая половина XVIII в. — важный период в становлении русской национальной культуры, и российский просвещенный абсолютизм играл, несомненно, положительную роль в ее развитии. Бесспорно также, что в национальной культуре появлялись уже буржуазные элементы и тенденции, однако они являлись следствием не буржуазного характера политики самодержавия (она таковой не была), а тех глубинных процессов, которые происходили в русском обществе. Исходным моментом этого развития можно считать реформы первой четверти XVIII в., так как они и позднее сохраняли свое прогрессивное значение, опреде-

²⁷ Цит. по: Н. Кареев. Указ. соч., стр. 342, 343, 344.

²⁸ ПЗС. Т. XXII, № 16421.

ляя направление деятельности самодержавия. «Великой революционной идеей,— писал А. И. Герцен,— все еще была реформа Петра»²⁹. Таким образом, политика просвещенного абсолютизма Екатерины II в области культуры и просвещения носила прогрессивный характер, но ее социальное содержание не выходило за рамки феодального общества. Наличие новых тенденций в этой политике при данной расстановке общественных сил не только не подтачивало основы феодальной системы, но и способствовало ее укреплению в данный период.

Начальной гранью периодов просвещенного абсолютизма в России большинство историков считает 60-е годы XVIII века. Нам представляется это правильным, хотя необходимо отметить, что предпосылки его складываются уже в предшествующее время. Концом политики просвещенного абсолютизма обычно считают начало Великой французской революции, которая, как утверждает Н. М. Дружинин, «отбросила Екатерину II в лагерь открытой безоговорочной реакции»³⁰. В подтверждение этой мысли Н. М. Дружинин приводит многочисленные отрицательные высказывания Екатерины II о Французской революции, изменение ее отношения к французским просветителям, осуждение ею Радищева, Новикова и других. Действительно, последние годы правления Екатерины II и тем более правление Павла вряд ли можно отнести к просвещенному абсолютизму. Однако, по нашему мнению, согласиться с данной точкой зрения Н. М. Дружинина нельзя, так как она основывается на некоторой переоценке прогрессивных тенденций в политике Екатерины II и их якобы буржуазного характера. Действительно, Екатерина II возмущалась действиями «гидры о тысяче двухстах головах», «разрушением» дворянства, казнью короля, мечтала о победе контрреволюции и пр. В 1794 г. она писала Гримму: «Но, что бы они (мечтатели и философы.—И. Ф.) ни говорили и ни делали, мир никогда не перестанет нуждаться в повелителе... лучше предпочесть безрассудство одного, чем безумие многих, заражающее бешенством двадцать миллионов людей во имя слова — свобода»³¹. Но к этому выводу Екатерина II пришла не под влиянием революции — она всегда придерживалась такой точки зрения. Еще в 1767 г. в своем самом «прогрессивном» документе, Наказе, она утверждала: «Всякое другое (несамодержавное.—И. Ф.) правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно» (Наказ, ст. 11), «лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим» (Наказ, ст. 12).

Дело, таким образом, не в том, что Екатерина II под влиянием событий во Франции перешла на контрреволюционные и «безоговорочно» реакционные позиции. В условиях начавшейся революции, когда она была еще на подъеме, русское самодержавие потеряло инициативу во внутренней политике, сократились его возможности для социальной демагогии, возникла угроза нарушения той расстановки социальных сил, на основе которой и могла сложиться политика просвещенного абсолютизма. Именно поэтому ничего творческого в политике Екатерины II в 90-х годах уже не было. Что касается короткого правления Павла, то его вообще невозможно подвести под какую-либо политическую систему: страх перед революцией, ненависть к своей покойной матери и стремление переделать все, что она сделала, больная психика привели к попытке возрождения деспотизма в его наиболее грубых формах, к дезорганизации государственного аппарата и грозили дискредитацией самой идеи абсолютизма.

²⁹ А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. VII. М. 1956, стр. 192.

³⁰ Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 454. Сторонники точки зрения, что просвещенный абсолютизм — демагогия, ограничивают этот период началом крестьянского восстания 1773 года.

³¹ Цит. по: Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 455.

Насильственное устранение Павла и вступление на престол Александра I привели к попытке возродить политику просвещенного абсолютизма, хотя, конечно, абсолютизм начала XIX в. имел некоторые специфические черты. Нам представляется правильным мнение, высказанное в конце 40-х годов, что 1801—1815 гг. можно рассматривать как второй период просвещенного абсолютизма. Возражая против такой точки зрения, Н. М. Дружинин утверждает, что «и в Западной Европе, и в России после Французской революции жизнь ушла далеко вперед и от умеренных взглядов Вольтера и Монтескье, и от веры в непобедимое влияние разумных законов, и от уверенности в спасительной силе традиционного самодержавия. В своих замыслах... а отчасти и в своих законодательных актах Александр I вынужден был пойти дальше воззрений Екатерины II». В доказательство автор приводит конституции, данные Польше и Финляндии, план государственных преобразований Сперанского, план Новосильцева и некоторые факты законодательной деятельности правительства. «В 1801 — 1820 гг., — пишет Н. М. Дружинин, — российское самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единичную власть государя»³².

Все эти положения нам кажутся спорными. Во-первых, ни взгляды Вольтера и Монтескье, ни «вера в непобедимое влияние разумных законов» не составляли существа политики просвещенного абсолютизма. К тому же идеи Вольтера и Монтескье в России в начале XIX в. еще далеко не изжили себя, они оказывали огромное влияние на самых передовых людей того времени, а до их осуществления было еще очень далеко. Во-вторых, те или иные планы преобразований не могут служить основанием для оценки государственной системы и даже политики. И, в-третьих, конституции Финляндии и Польши не затрагивали ни сущности социальных отношений в России, ни самой государственной системы.

Вступив на престол, Александр I торжественно обещал править страной «по законам и по сердцу» своей «августейшей бабки», отменил наиболее одиозные законы Павла и попытался возродить те методы, которыми блестяще пользовалась Екатерина II. Конечно, дело не в торжественных декларациях и обещаниях, — по ним судить о характере правления нельзя, однако и они свидетельствуют о том, что политика Павла скомпрометировала себя. Напротив, политика Екатерины II еще была достаточно популярна, и вполне естественным было попытаться ее воскресить, условия для ее проведения еще имелись. Отступление от принципов просвещенного абсолютизма в 90-х годах XVIII в. было обусловлено внешнеполитическими (революция во Франции) или даже субъективными мотивами (ненависть Павла к матери). Каких-либо серьезных внутренних причин (изменение в соотношении классовых сил, резкое обострение классовой борьбы) не существовало. Политика просвещенного абсолютизма, соответствующая определенной расстановке классовых сил, еще не исчерпала себя, и у русского абсолютизма были возможности для развития в рамках данной системы общественных отношений. Наконец, необходимо учитывать и еще один фактор. Развитие революции во Франции привело к усилению консервативных настроений в дворянских кругах, к консолидации дворянства вокруг самодержавия. Спад революции, определенно наметившийся к началу XIX в., привел к известному разочарованию в ней даже передовых слоев общества, к уменьшению влияния ее идей. Возникла возможность противопоставить им поднобленные принципы просвещения.

³² Там же, стр. 457.

Важнейшим мероприятием «просвещенной» политики Александра I была реформа центральных органов власти. Введение министерств и Государственного совета имело, несомненно, очень важное и принципиальное значение, так как этими реформами было завершено строительство того административного здания, которое начала возводить Екатерина II.

Значение этой реформы определяется следующим:

была создана достаточно стройная система центральных и им подчиненных местных органов власти с четко разграниченными функциями, которая позволила управлять страной в новых исторических условиях и привела к дальнейшей централизации и бюрократизации управления;

введение министерского (единоличного) управления повысило личную ответственность чиновников всех рангов и способствовало более быстрому прохождению дел и решению вопросов;

введение Государственного совета с законосовещательными функциями придало политике правительства в управлении государством известное единство в той мере, в какой только это было возможно в условиях самодержавия.

Объективный смысл этой реформы заключался в том, что, как отмечалось в историко-юридической литературе, система личных поручений, уходящая своими корнями в феодальную вотчину, была заменена системой учреждений (действующих на основе «непреложных законоположений») с четко очерченными функциями и определенным порядком делопроизводства, отчетности и контроля. В идеале эта реформа должна была установить ту политическую систему, к которой стремилась Екатерина II, то есть утвердить неограниченную, централизованную, бюрократическую, подзаконную монархию. Конечно, введение Государственного совета можно рассматривать как попытку поставить саму монархическую власть в рамки закона, однако попытка эта была настолько незначительна и робка, что серьезно говорить о каком-либо ограничении самодержавия не приходится. Утвердить законность в самодержавном государстве — дело абсолютно невозможное.

Эта реформа имела, конечно, и свои отрицательные последствия — крайняя централизация и бюрократизация управления со всеми вытекающими последствиями, которые ярко проявились в скором времени. Но для своего времени она имела прогрессивное значение, хотя и не внесла ничего нового в социальные отношения: в России были введены европейские формы власти, которые продержались и обеспечивали возможности для развития страны в течение более 100 лет. Это была вершина возможностей абсолютизма в области государственного строительства, выше которой самодержавие уже подняться не могло, так как это было бы разрывом и с феодализмом и с самим абсолютизмом. Самодержавие не могло принять принципы конституционного проекта Сперанского не только в начале века, но и в конце его, так как этот проект подрывал сам абсолютизм и открывал простор буржуазному правопорядку.

Школьная реформа 1804 г. также, на наш взгляд, развивала принципы просвещенного абсолютизма. Создание четкой системы начального, среднего и высшего образования, установление преемственности между различными типами школ, открытие новых университетов и специальных средних и высших учебных заведений были призваны обеспечить страну — государственный аппарат, хозяйство, культуру и науку — необходимыми образованными кадрами.

Социальная политика Александра I, и прежде всего политика в крестьянском вопросе, также, на наш взгляд, являлась продолжением и развитием в новых условиях политики Екатерины. И для Александра I характерен социальный консерватизм и полная опора на дворянство.

Его мероприятия в крестьянском вопросе (закон о вольных хлебопашцах и другие) хотя и не имели большого реального значения и скорее напоминали соответствующие «просветительские» декларации Екатерины II, чем начало большой реформы, тем не менее важны с принципиальной стороны — они определяли тенденции правительственной политики в будущем.

Все это и дает основание, как нам представляется, считать «дней Александровых прекрасное начало» (1801—1815 гг.) вторым периодом просвещенного абсолютизма в России и последним его этапом, когда абсолютизм находил еще в себе силы для внутренней эволюции.

Итак, просвещенный абсолютизм — это особый период или особые периоды в истории русского абсолютизма и его политики (таких периодов два: 60—80-е годы XVIII в. и начало XIX в.), которым соответствует определенная расстановка классовых сил и определенный уровень классовой борьбы. Покончив с феодальным сепаратизмом, абсолютизм в это время не сталкивается с организованным сопротивлением новых сил, поскольку классы буржуазного общества еще не сложились. Политика просвещенного абсолютизма могла проводиться в тех странах и на таком этапе развития, где и когда развитие буржуазных отношений еще не выходило за рамки феодальной системы, а классовая борьба не грозила существующему общественному строю. Опираясь на созданную им бюрократию, финансовую систему и армию, абсолютизм в это время приобретает наибольшую самостоятельность.

Просвещенный абсолютизм является выразителем интересов феодального класса в целом, он может проводить прогрессивные реформы — в области управления, суда, культуры, просвещения, — поскольку они не затрагивают сложившихся социальных отношений. Просвещенный абсолютизм — это абсолютизм, реформирующий органы власти, сохранивший возможности для внутреннего развития. Он широко использует идеи просветительской мысли, приспособляя их к интересам развивающегося феодального государства. Поэтому сам термин «просвещенный абсолютизм» является условным, так как ни просвещение, ни просветительство не были ни главным, ни определяющим в его политике. Его главная, «прогрессивная» функция — дальнейшая политическая централизация страны, и, поскольку эта централизация власти еще прогрессивна (так как способствует развитию производительных сил и национальной консолидации народа), постольку этот абсолютизм сохраняет свои прогрессивные черты. Просвещенный абсолютизм — это последний период, когда абсолютизм имеет силы для внутреннего развития, когда он еще может отражать интересы складывающейся нации в целом и выступать инициатором некоторых необходимых преобразований. И лишь постольку, поскольку эти преобразования способствовали развитию производительных сил (что было необходимой предпосылкой буржуазного развития), можно говорить и о том, что он поддерживал «тенденции» буржуазного развития. Но просвещенный абсолютизм — режим феодальный, причем в нем уже начинают отчетливо проявляться консервативные и реакционные черты. Безусловная и всесторонняя поддержка дворянства, которую осуществила Екатерина II в условиях, когда этот класс уже утрачивал свои потенциальные возможности, означала, что с завершением централизации оканчивается и прогрессивная роль абсолютизма.